

© Р. И. Телешова, О. А. Дубнякова

DOI: [10.15293/2226-3365.1704.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1704.15)

УДК 811.133.1 (075.8)

ДИАЛОГ ФРАНЦИИ И РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. И. Телешова (Новосибирск, Россия), О. А. Дубнякова (Москва, Россия)

Проблема и цель. Актуальность изучения диалога культур в художественном тексте обусловлена интересом гуманитарного знания к образу «другого» при сохранении национальной идентичности и культурной самобытности. Обзор теоретических источников отечественной и зарубежной науки показывает, что репрезентация образа России (русского мира, русских) сводится преимущественно к выявлению национальных стереотипов в текстах писателей, не имеющих личного русского жизненного опыта. Авторы данной статьи попытались выявить возможности воздействия художественного текста на билингвального читателя с точки зрения взаимодействия культур. Целью статьи является делимитация рекуррентных элементов образа России во французской литературе второй половины XX в. – начала XXI в. на материале произведений Анри Труайя, соединившим в своем сознании и творчестве французские и русские ценности.

Методология. Используем комплексный подход, сочетающий концепцию диалогизма М. М. Бахтина, принципы рецептивной эстетики и структурно-семантический анализ. Художественные тексты А. Труайя представляют диалог автора как с читателем, так и с культурами двух значимых для него стран. Исследователь как главный реципиент литературного произведения вступает в диалог с автором и выделяет значимые элементы образа России.

Результаты. Авторы статьи доказывают, что модель мира, построенного на столкновении двух культур и двух пространств, образует неразрывную ткань в анализируемых текстах и используется писателем для создания образа России. В работе подтверждается, что посредством использования механизма диалога культур французский писатель А. Труайя приобщает франкоязычного читателя к культуре России и представляет западному миру русский менталитет в контексте французской культуры. Самым значимым компонентом образа России является описание русской души, объясняющей мотивы поведения русских людей. Рассматриваем героев художественных произведений посредниками межкультурного диалога, являющегося в свою очередь источником разнообразной культурной информации о стране.

Заключение. Произведения билингвальных писателей, наделенных даром бикультурализма, способствуют освоению иного культурного пространства, построенного на столкновении разных культур и называемого исследователями миром без границ. Изучение произведений

Телешова Раиса Ивановна, кандидат филологических наук, доктор филологических наук Тулонского университета (Франция), профессор, заведующая кафедрой французского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: raissa.telechova@gmail.com.

Дубнякова Оксана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет.

E-mail: DubnyakovaOA@mgpu.ru

А. Труайя имеет особую значимость в современном образовательном пространстве, приобретающем поликультурный характер, с тенденцией на сохранение собственной культурной идентичности.

Ключевые слова: диалог культур; бикультурализм; писатели-билингвы; идентичность; самобытность; культурное пространство; образ России; рекуррентные элементы; французская литература; Анри Труайя; мир без границ.

Постановка проблемы

В настоящее время явление диалога культур приобретает масштабный характер. Уникальную возможность в этом отношении представляет творчество писателей-билингвов, в котором в литературной форме выражен диалог различных культур. Цель нашей статьи заключается в выявлении рекуррентных элементов образа России во французских художественных текстах, построенных на столкновении французской и русской культур. Актуальность исследования обусловлена стремительно растущим интересом к изучению репрезентации национальной самобытности в текстах различных жанров. Различные аспекты интерпретации образа России в контексте национальной идентичности и восприятия представителями другой страны исследуются также на материале текстов средств массовой информации [1]. В современной научной исследовательской литературе (и отечественной, и зарубежной) существуют различные подходы к интерпретации образа чужой страны, в частности, образа России, в сознании иноязычных писателей.

Труды российских исследователей опираются преимущественно на теорию «национальной концептосферы» или литературной компаративистики. В рамках концептологии¹ выделяются «ментальные концепты» или

«оперативные единицы национальной памяти», присущие всем или отдельным странам и народам. Механизм противопоставления культурно-языкового пространства стран позволяет выявить универсальные константы, свойственные всем народам, но реализуемые разными формами в культурах разных народов: природа, труд, семья, отцовство, материнство, жизнь, смерть, религия. «Личностные концепты», связанные с именами исторических деятелей, «событийные концепты», фиксирующие «акты национальной истории» являются дифференциальными концептами. Общенациональные константы, манифестируемые по-разному в менталитете и языке народов разных стран, могут привести к определенным проблемам при коммуникации. Российская литературная компаративистика [2] сосредоточена на изучении национальных стереотипов, реализующих категории «свой» и «чужой» [3]. Выделяются разнообразные русские мотивы: богатая страна, бескрайние просторы, холод, снег, медведи². Отмечаем тот факт, что названные элементы представлены в той или иной мере в произведениях зарубежных писателей, создающих русский мир с позиции иностранного человека (автора текста), не имеющего своего личного «русского опыта». Придерживаемся мнения, что творче-

¹ Кирнозе З. И. Россия и Франция: диалог культур. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – 272 с.

² Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – 2-е изд. – М.:

Литературный ин-т им. А.М. Горького, 2003. – 131 с.; Ощепков А. Р. Образ России во французской прозе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 31 с.

ство современных французских писателей-билингвов, имеющих русские корни (Ж. Кессель, М. Дрюон, А. Труайя, А. Макин), представляет для исследователей обширное поле новых поисков и находок. Различие между европейским и русским сознанием эксплицируется через комплекс ощущений, связанных чаще со скукой и однообразием, чувственной монотонностью, в которой масштабы приобретают другое качественное состояние мышления, и поэтому Россия таинственна для западного сознания [4].

Зарубежные исследователи образа другой страны используют культурологический подход, основывающийся на принципе кросскультурного и межкультурного анализа художественных явлений. Акцент смещается к анализу художественных текстов, построенных на противопоставлении Запада и Востока, Запада и Африки. Проблема диалога культур (métissage culturel) находится в центре внимания современных зарубежных исследователей. Французский исследователь Ж. Антрэ [5] реконструирует представления французов о русских на материале французских провинциальных архивов конца наполеоновской эпохи. Бикультурная идентичность писателя [6; 7] обуславливает выбор тематики произведения. Любое произведение искусства представляет собой художественное отображение мира, созданного автором. Писатели передают мироощущение и миропонимание того времени, о котором они пишут, создавая «дискурсивное пространство, референциальный мир в соответствии со своими представлениями о тех событиях их жизни, которые имели место в определенном времени и пространстве» [8, с. 78].

Писатели, получившие пристанище вдали от своей родины и создающие произведения на языке принявшей их страны (en

écrivain dans la langue du pays d'accueil), находятся в особом внутреннем мире, именуемом «non-lieu». Одновременное сосуществование писателя-иммигранта в реальном (французском) окружении и внутреннем (нефранцузском) мире становится затруднительным, подобно двухсторонним переговорам [9]. Посредством принципа паратопии, определяемого Д. Менгено как социокультурно значимое пространство [10; 11], писатель проявляет себя в созданном им новом мире в качестве рассказчика правды (diseur de vérité) и последователя мультикультурализма (adepte de multiculturalisme). Особый статус писателя-билингва (statut avantageux) расширяет его поле видения и творческий потенциал: «C'est ce non-lieu qui leur permet de convertir leur intenable situation d'exilé en un lieu où la prise de parole et de position devient possible. On peut dire que la mise en place de la paratopie légitime le statut des auteurs exilés : le fait qu'ils soient étrangers n'est plus considéré comme un défaut ou un manque. Il s'agit plutôt d'un statut particulier, avantageux qui élargit leur champ de vision et leur potentiel créateur» [9, p. 66]. Рассказчик романа А. Макина «Testament français», подобно самому писателю, отказывается от промежуточного положения не в целях обретения внутреннего равновесия, а с намерением побороть в себе другого: «Le narrateur doit renoncer donc à cet entre-deux pour uniformiser son existence, pour devenir un autre» [12, p. 122]. Творения писателей способны перемещать границы в сознании людей [13].

Диалог культур (диалог литератур) присутствует в произведениях писателей франкофонных стран, имеющих два и более официальных языка. Африканский исследователь А. Самаке выявляет влияние колониальной культуры (французской культуры) на политическую африканскую элиту и сосуществова-

ние французского языка и языка местных жителей, например, языка волоф в Западной Африке³. Африканские писатели, как и вся интеллектуальная элита, вовлечены во взаимодействие французской и африканской культур (*impliqués dans une double culture française et africaine*). По мнению В. Иглеэя Прювоста [14], диалог культур пронизывает бельгийскую франкофонную литературу, сохраняющую свою идентичность и испытывающую влияние Франции. Вопросы параллельного существования культур в отдельно взятой стране и в мире в целом исследуются французским историком М. Лябель [15].

Французские литературоведы Р. Буве и С. Эль Кетани анализируют роль писателя как посредника между различными культурами (*passer de cultures*). Так, принципы мультикультурализма и национальной идентичности позволяют А. Маалуфу, французскому писателю ливанского происхождения, иначе взглянуть на страны и разделяющие их границы: «L'écrivain conduit à parcourir autrement la terre et ses frontières» [16, p. 4]. Т. Ж. Лоран, С. Брун и А. Шнафнер показывают, что французский роман эпохи XX–XXI вв. находится на пересечении включенности писателей в социальную и культурную жизнь стран [17; 18]. М. О'Коннор и М. Ватт-Дельмот предлагают по-новому посмотреть на возможность закрепить прошлое в литературе как духовность, отраженную в ритуалах [19]. Акцент делается на необходимость сохранения культурных различий в целях взаимного проникновения и обогащения, а также их включения в культурное поле

другой страны. Таким образом, диалог культур изучается в междисциплинарном аспекте, что усиливает значимость выше обозначенной тематики нашего исследования.

Методология

Материалом нашего исследования послужили многотомные произведения русской направленности (*Tant que la Terre durera, La Lumière des Justes, Le Moscovite*), короткие романы (*Le Défi d'Olga, La Rencontre*), биографии известных русских людей (*Tolstoï, Catherine la Grande, Raspoutine, Le chant des insensés*), любезно предоставленные нам автором во время личных встреч. Используем также материалы нашей личной переписки с писателем и воспоминания А. Труайя «Un si long chemin»⁴, опубликованные во Франции и переведенные Н. Т. Унаняц⁵ на русский язык.

В качестве методологической базы для решения исследовательских задач используем комплексный подход, сочетающий методы литературоведения и лингвистики. Согласно теории диалогичности М. М. Бахтина⁶, художественный текст, как и другие произведения искусства, отражает не только результаты наблюдений, знаний и переживаний автора, но и стратегию его диалога с читателем. В организации контекста важное место занимает форма включения чужого слова, «чужого голоса», обеспечивающая его заметность, возможность опознания источника, мысленного сопоставления исходного и принимающего контекста и понимание того нового смысла,

³ Samaké A. Littérature et interculturalité: Le dialogue interculturel dans le roman Africain de langue française // *Éthiopiennes: Revue socialiste de culture négro-africaine*. – 2011. – № 86. – P. 75–92.

⁴ Troyat H. *Un si long chemin*. – Paris: Editions J'ai lu, 1996. – 253 p.

⁵ Труайя А. Моя столь длинная дорога / пер. Н. Т. Унаняц. – ЛитМир: электронная библиотека. – URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/rus/k-stoletiyu-anri-truajya.html> (дата обращения: 27.12.2016).

⁶ Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

который при этом возникает. М. М. Бахтин утверждает, что в основе всякого искусства лежит принцип диалога, духовного контакта, взаимопонимания читателя и писателя, писателя и его предшественников и современников, а также внутренних диалогов героев. Таким образом, художественный текст представляет диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой. Принципы рецептивной эстетики имеют место, т. к. смысловой потенциал произведения реализуется в процессе его чтения исследователем. Степень понимания текста зависит от подготовленности читателя или исследователя [20; 21]. Немаловажным для нашей работы является аксиологический подход, позволяющий смотреть на автора как на ищущего свою идентичность [22]. И наконец, благодаря протопическому методу Д. Мэнгено [10; 11] место художественного произведения А. Труайя определяется более точным образом. Кроме того, авторы статьи согласны с утверждением Ж. Мейзо, что литература рассматривается как деятельность, а не инертное тело «текстов» [23].

Таким образом, исследование художественного текста с позиций диалогической концепции, а также суждение французского академика М. Дрюона о стилистических особенностях текстов А. Труайя, являющихся образцом правильного современного французского языка⁷, усиливает научно-практическую значимость нашей работы. Позволим отметить, что раннее исследование «русских циклов» А.

Труайя было направлено на выявление интертекстуальных включений русских цитат и реминисценций во французский текст⁸.

Результаты исследования

В ряду билингвальных (бикультурных) писателей XX–XXI вв. А. Труайя занимает особое место, т. к. на протяжении всей своей жизни (1911–2007 гг.) писатель с завидной регулярностью чередует произведения французской и русской направленности. По мнению многочисленных французских критиков, А. Труайя – самый русский из французских литераторов⁹. Члены Французской академии Э. Каррер д’Анкос¹⁰ (специалист по истории России) и М. Дрюон (писатель, министр культуры Франции 1973–1974 гг.) отмечают уникальность дарования А. Труайя¹¹, соединившим в своих произведениях ценности Франции и России и две великие культуры. А. Труайя является французским писателем, пропитанным далекими русскими воспоминаниями, или русским человеком, переделанным на французский лад¹². По мнению самого писателя, соотношение между страной его рождения и принявшей страной слишком неравное. Его французская одежда плотно срастается с его телом, что «попытайся я ее снять, я содрал бы себе кожу»¹³: «Mon vêtement français colle de si près à mon corps qu’en essayant de l’ôter je m’arracherais la peau»¹⁴. А. Труайя писал всегда по-французски, но черпал вдохновение в истории и культуре России. По собственному

⁷ Druon M. Henri Troyat // Le Monde. – 2007. – № 19318. – P. 35.

⁸ Teleshova R. I. Frontières et rêveries des origines dans l’œuvre d’Henri Troyat: дис. ... д-ра филол. наук Тулонского университета. – Toulon: Université du Sud Toulon Var, 2002. – 250 с.

⁹ D’Estienne D’Orves N. Henri Troyat, la fin d’une histoire russe // Le Figaro. – 2007. – № 56. – P. 5.

¹⁰ Carrère d’Encausse H. Le français dans tous ses états. – Paris: Académie Française, 2004. – P. 19–31.

¹¹ Druon M. Henri Troyat // Le Monde. – 2007. – № 19318. – P. 35.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Troyat H. Un si long chemin. – Paris: Editions J’ai lu, 1996. – P. 253.

признанию писателя¹⁵, источниками его «русского вдохновения» являются его личные воспоминания, а также воспоминания его родителей. Знание русского языка позволило использовать большое число литературно-исторических документов, недоступных французским исследователям.

Мир, пропитанный культурой и традициями Франции и России, существует в сознании писателя на протяжении всей его жизни. «Два потока», русский и французский, не сталкивались в его сознании, а, напротив, соединялись, сливаясь в единое, «широкое и мощное, течение». Писателю удалось достичь равновесия двух этих миров. Героиня романа «Le Défi d'Olga» Ольга Курганова, живущая большую часть своей жизни в Париже, также признается, что два течения, русская и французская реки, соединяют свои шумные, бурные воды. Она замечает, что думает и мечтает на французском языке после прочтения произведений русских писателей, и наоборот. В случае отказа от одной из культур, французской или русской, она почувствовала бы душевное обнищание: «Tout au long de sa vie, le fleuve russe et le fleuve français avaient ainsi marié leurs eaux tumultueuses. Elle avait déjà remarqué qu'il lui arrivait de rêver en français après la lecture d'un beau texte russe et vice versa. Quel appauvrissement si elle avait, en s'expatriant, commis l'erreur de renoncer à l'une ou l'autre de ces deux cultures»¹⁶. Это то явление, которое ученый Н. Креймер называл «невидимым голосом» автора: голос персонажа, который смешивается со словами автора [24].

Французский литературовед Р. М. Альберес использует термин «monde-frontière» (мир без границ) для номинации франко-русского

пространства, построенного на соединении двух источников вдохновения (le mélange de deux inspirations) или двух способов видения (deux manières de sentir): «Troyat jouait sur une de ces franges, ou plutôt, si nous parlons dentelles, de ces entre-deux où le mélange de deux inspirations et de deux manières de sentir crée un pathétique particulier dans un monde-frontière»¹⁷. Расплывчатость границ этого мира подчеркивается использованием экспрессивной лексики (franges, dentelles). Этот мир наполняет души многочисленных персонажей, познавших по воле судеб франко-русскую реальность. Приграничные рубежи территорий и стран, являющиеся географическими понятиями, исчезают в сознании персонажей. Выявляем лексические единицы «univers», «contrée» для номинации этого мира, наделенного такими характеристиками, как простор (vaste), братство (fraternel), таинственность (mystérieux): «Une contrée plus vaste, plus fraternelle et plus mystérieuse, dont le nom ne figure dans un aucun manuel de géographie»¹⁸. Интерпретацию поэтического образа загадочного образа мира находим в репликах персонажей романа «Le Moscovite», французов, проживших длительное время в России. Герои сравниваются с деревьями, корни которых произрастают по краям одного сада, а ветви вытягиваются и затеняют другой участок. Разделительные границы существуют в сознании географов и могут стираться в сознании историков и отдельных людей. Приведем отрывок для подтверждения:

«Avez-vous observé les arbres qui croissent en bordure des jardins? Si leurs racines les fixent d'un côté de la clôture, leurs rameaux, bien souvent, s'étendent de l'autre côté. Il y a des êtres qui

¹⁵ Там же.

¹⁶ Troyat H. Le défi d'Olga. – Paris: Flammarion, 1999. – P. 138–139.

¹⁷ Albérès R. M. Ce monde-ci et l'autre // Les Nouvelles littéraires. – 1967. – № 2064. – P. 1.

¹⁸ Troyat H. Le défi d'Olga. – Paris: Flammarion, 1999. – P. 147.

sont ainsi : nés sur une terre, ils apportent leur ombrage à la terre du voisin. La France n'est pas voisine de la Russie ! – Pour un géographe, non. Pour un historien, plus que vous ne le croyez !»¹⁹

Таким образом, персонажи повторяют судьбу самого автора, сравнившего себя с деревом, корни которого русские, а плоды французские. Произведения А. Труайя наполнены вкраплениями личностного, биографического. Отдельные детали жизни А. Труайя помогают лучше понять особенности его творчества. Писатель проживает личную историю, и одновременно, может стать свидетелем своей эпохи²⁰, таким образом, вступая в диалог с обществом²¹ (как было, например, с писателем Ф. Мориак). Писатель находится в поисках своей идентичности, и этот поиск происходит через его творчество. Как пишет О. Н. Турышева, комментируя П. Рикера, самопонимание в литературе – это не просто «эффект», результат, «продукт» чтения, а его непосредственная цель [25, с. 153].

Французские персонажи А. Труайя, живущие в России или русские герои, находясь во Франции, призваны играть роль посредников между французским и русским миром [20; 26]. Сколько раз персонажи А. Труайя, по подобию самого автора, пожелали и почувствовали внутреннее примирение (одновременно гармоничное и хрупкое) между Францией и Россией (*une réconciliation entre la France et la*

Russie). Две страны, такие непохожие в истории, в традициях, религии, языке и по своим климатическим условиям совмещаются в сознании билингвальных персонажей и в сознании писателя. А. Труайя со своей супругой (француженкой) один раз в неделю навещал своих родителей. Русская кухня, русские беседы имели место в «русском доме» в центре Парижа. Вечером супруга признавалась, что испытывает чувство, что она возвращается домой после путешествия за пределы Франции: «Elle avait l'impression de revenir d'un long voyage au-delà des frontières»²². А. Труайя, семья писателя и его многочисленные персонажи постоянно живут в особом мире (*monde-frontière*), построенном на соединении реального окружения (*monde réel*) и вымышленной среды, уводящей от реальности (*monde d'évasion*). По причине постоянного внутреннего перемещения герои А. Труайя попадают в затруднительное положение и «выбиваются из колеи» (*ils se trouvent désorientés et dépassés*).

Француз Арман де Круэ (*Armand de Croué*), главный герой трилогии «*Moscovite*», живущий в Москве с раннего детства, в равной степени пропитан утонченной французской культурой. Он переживает мучительный внутренний конфликт во время вторжения наполеоновской армии в страну, ставшей его второй родиной, испытывая двойственное чувство победы и поражения (*victoire-défaite*):

¹⁹ *Troyat H. Le Moscovite. – Paris: Editions J'ai lu, 1997. – P. 170.*

²⁰ *Дубнякова О. А. Писатель-публицист как свидетель своего времени (на материале «Mémoires politiques» Ф. Мориака) // Современное гуманитарное образование и иностранный язык: сборник научных тезисов по материалам международной научно-практической конференции «Современное гуманитарное образование и иностранный язык», Мальта, Гзира, 5 октября 2016 г. /*

отв. ред. Ж. М. Арутюнова, Е. А. Линева, Е. Б. Савельева, Э. Н. Яковлева. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2016. – С. 54–56.

²¹ *Дубнякова О. А. Дневниковые произведения Ф. Мориака как форма самопрезентации в диалоге с обществом // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой международной конференции. – М.: Языки народов мира, 2016. – С. 185–189.*

²² *Troyat H. Un si long chemin. – Paris: Editions J'ai lu, 1996. – P. 166.*

«Armand de Croué, qui n'avait pris aucune part aux combats, semble avoir peur de l'avenir. Il fêtait une victoire-défaite»²³. Приведенная цитата подтверждает, что Арман де Круэ делит свои чувства между русскими и французами.

В основе трилогии «Tant que la Terre durera» судьба русской семьи Дановых (Les Danoff), нашедшей приют во Франции. Писатель воссоздал историю своей семьи, вынужденной покинуть Россию после революции. По собственному убеждению, писатель осознал, что не имеет право хранить и беречь для одного себя «настоящую сокровищницу образов»: Россия, которую я носил в глубоких тайниках моей памяти, требовала выхода, простора»²⁴. Россия, наполняющая русские циклы писателя, является его внутренней Россией. А. Труайя не решается посетить страну, которую не видел с 1920 г., предчувствуя, какой травмой станет для него разрыв между землей реальной и землей обетованной. Тема принадлежности к двум родинам, Франции и России, объединяет русские циклы писателя.

Модель мира, построенного на столкновении и диалоге двух культур (двух пространств, образующих неразрывную ткань в произведении²⁵), используется автором для создания образа России. По признанию писателя, он думает по-французски, а основа его характера русская. Французская культура (литература) влияет на форму его произведений, а русская культура (литература) – на сущность изображаемого: «Disons que je suis marqué par la littérature française pour la forme et par la

littérature russe pour le fond» [20, p. 222]. Особый франко-русский мир понятен людям, разделяющим ценности разных культур. Личный опыт освоения подобного окружения анализирует билингвальный исследователь М. Дебрэнн, подтверждающей, как в одной личности «уживаются» два языка и две культуры: «Точно знаю, что есть темы, которые сложно развивать на французском: с трудом себе представляю “задушевный разговор” (в отличие от “интеллектуального разговора”) на этом языке. Писать можно, слова есть, но не привычно» [27, с. 63]. Исследователь, подобно писателю А. Труайя, сознательно или бессознательно сравнивает две страны, два разных менталитета. Через культуру другой страны, через сопоставление разных культур происходит приобщение к общечеловеческим ценностям [28].

Обращаясь к методу структурно-семантического анализа, выделяем набор рекуррентных элементов образа России в произведениях А. Труайя: страна, город, деревня, климат (суровый климат), пейзаж, дом, семья, места погребения русских людей, традиции и символы страны, душа русского человека, православная церковь и иконы, русская культура и русская литература. В свою очередь рекуррентные элементы входят в состав укрупненных смысловых единиц, текстовых фрагментов преимущественно описательной направленности. В тексте целого речевого произведения все элементы взаимосвязаны и

²³ Troyat H. Les désordres secrets. – Paris: Éditions J'ai lu, 1998. – P. 236.

²⁴ Труайя А. Моя столь длинная дорога / пер. Н. Т. Унанянц. – ЛитМир: электронная библиотека. – URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/rus/k-stoletiyu-anri-truajya.html> (дата обращения: 27.12.2016).

²⁵ Дубнякова О. А. Формирование внешнего и внутреннего пространства в публицистических произведениях французского католического писателя Франсуа Мориака // Религиозная коммуникация в пространстве профессионального образования: тезисы докладов Межотраслевой научно-практической конференции. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 21–22.

отдельные структурно-семантические элементы, являясь неотъемлемой частью целого, значимы и важны для его понимания.

Проведенный нами анализ произведений русской направленности А. Труайя позволяет утверждать, что значимое место в системе русских образов отводится бесспорно описаниям русской души. Писатель обращает внимание на особенность русского характера, на некоторую наивность и спонтанность русской души, очаровывающей французов: «Les Français, peuple de réflexion, d'ironie et de critique, trouvent un réconfort dans la fréquentation intellectuelle de gens qui ne cherchent pas midi à quatorze heures. C'est peut-être la revanche de l'humain sur l'intellectuel»²⁶. Многочисленные ремарки писателя подтверждают особенность русской души, недоступной порой для понимания представителями других стран: «Oui, la Russie était un pays à part, le meilleur de tous peut-être, et que nul étranger ne pouvait comprendre. Même les apparentes erreurs de ce peuple exceptionnel contribuaient à sa grandeur»²⁷. Точка зрения писателя проявляется также и в репликах его персонажей: «Elle est enfantine, généreuse, spontanée, irrationnelle et portée aux extrêmes»²⁸. Контрастность русской души (calme, dormante ≠ cède à des instincts bestiaux) объясняется климатическими и географическими особенностями страны рождения писателя. В подтверждение сказанного приведем лишь одну цитату: «Comme une steppe dont l'horizon se confond avec le ciel, l'âme russe est illimitée, tantôt calme, dormante, tantôt traversée par un vent furieux. Le peuple, pénétré de sentiments religieux, cède parfois à des

instincts bestiaux. Les mêmes gens qui se prosternent devant les icônes sont capables d'écharper un métropolitain ou d'étriper un seigneur. Dans le bien comme dans le mal, le russe ne connaît que l'excès»²⁹. Открытость (ouverture de l'âme), благородство (grandeur de l'âme), великодушие (générosité de l'âme), склонность к лихачеству характеризуют русского человека, по мнению писателя: «Qui ne dépense pas ne s'enrichit jamais. Chaque effort, chaque élan du cœur porte en soi une récompense»³⁰. Религиозные ценности присутствуют в русской семье: «Les membres de la famille et les domestiques les plus anciens se réunirent au salon pour la prière des adieux. On s'assit en cercle, on garda le silence pendant une minute, puis tout le monde se leva, se signa, le visage tourné vers l'icône, et, un à un, ceux qui partaient sortirent sur le perron»³¹.

Русско-французские описательные параллели, лежащие в основе внутреннего мира писателя и его персонажей (названного выше «monde-frontière»), способствуют выявлению различий во французской и русской культурах, а также репрезентации рекуррентных констант русского мира. Обилие русско-французских описательных параллелей (maison russe/maison française, repas russe/repas français, église orthodoxe/église catholique, langue russe/langue française), являющихся воплощением идеи взаимодействия и взаимовлияния культур, объясняются бикультурализмом (biculturalisme, double richesse) как писателя, так и его многочисленных персонажей.

²⁶ Troyat H. Ma Russie idéale // Les Nouvelles Françaises. – 1997. – № 5. – P. 6.

²⁷ Troyat H. Le Chant des insensés. – Paris: Flammarion, 1993. – P. 86.

²⁸ Troyat H. Raspoutine. – Paris: Editions J'ai lu, 1998. – P. 218.

²⁹ Troyat H. Catherine la Grande. – Paris: Editions J'ai lu, 1977. – P. 271.

³⁰ Troyat H. La Rencontre. – Paris: Éditions de Pocket, 1976. – P. 332.

³¹ Troyat H. Tolstoï. – Paris: Fayard, 1979. – P. 35.

Заключение

Рассматривая писателя А. Труайя сторонником сближения двух великих культур, доказываем, что механизм диалога культур является приемом построения его произведений. Автор создает по своему воображению культурно-языковое пространство, называемое исследователями «миром без границ» (*monde-frontière*), построенным на столкновении различных культур. В анализируемых произведениях встречаются герои, принадлежащие к разным культурам и являющиеся по этой причине посредниками между культурами. Писатель раздвигает границы реального мира для своих читателей, большинство из которых никогда не отправится в путешествие в далекую Россию. Проблема диалога культур представляет разнообразный процесс взаимодействия, реализуемый на интертекстуальном уровне франко-русскими описательными параллелями, являющимися, в свою очередь, стилеобразующими элементами художественных текстов.

А. Труайя как интерпретатор русской культуры во Франции наделяет образ России

притягательной силой. Наряду с традиционными элементами русского мира (климат, пейзаж, бескрайние просторы, быт, обычаи, традиции, русский язык), писатель вводит в структуру произведений описания черт русской души (покорность, терпение, доброта, благородство, великодушие).

Россия Анри Труайя – это «внутренняя» Россия писателя, наделенного билингвальным и бикультурным сознанием. Наш опыт конструирования образа России в творчестве А. Труайя помогает, по мнению многочисленных зарубежных франкоязычных коллег, глубже понять Россию и русскую душу. Таким образом, произведения А. Труайя оказывают существенное влияние на формирование образа России в западноевропейском литературном и общественном сознании. Результаты нашего исследования создают также благоприятные условия для культурной адаптации иностранцев в России, способствуют их мягкому включению в иное культурное пространство при сохранении культурной самобытности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кулешова А. В.** Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 4. – С. 62–68.
2. **Королева С. Б.** Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). – М.: Директ-Медиа, 2014. – 314 с.
3. **Викулова Л. Г., Кулагина О. А.** Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2 (12). – С. 33–42.
4. **Злотников Ю. С.** Тоска по совершенству, полноте и преодолению // Философско-литературный журнал Логос. – 2015. – Т. 25, № 5 (107). – С. 199–209.
5. **Антрэ Ж.** Использование образа казака и русских во Франции во время первой реставрации (1814-1815) // Уральский исторический Вестник. – 2014. – № 4 (45). – С. 25–32.

6. **Harmath E.** Andreï Makine et la francophonie: Pour une géopoétique des oeuvres littéraires. – Paris: L’Harmattan, 2016. – 300 p.
7. **Derbac G.** Présent passé, passé présent: écriture et échos de l’histoire dans Requiem pour l’Est et La Vie d’un homme inconnu d’Andreï Makine // Études romanes de Brno. – 2013. – Vol. 33, № 1. – P. 281–294.
8. **Savelyeva E. B., Lineva E. A.** The author in fiction literature communication // Xlinguae Journal. – 2015. – Vol. 8, Issue 3. – P. 76–90. DOI: <http://doi.org/10.18355/XL.2015.08.03.76-90>
9. **Pery-Borissov V.** Paratopie et entretien littéraire: Andreï Makine et Nancy Huston ou l’écrivain exilé dans le champ littéraire // Argumentation et Analyse du Discours. – 2014. – № 12. DOI: <http://doi.org/10.4000/aod.1629>
10. **Maingueneau D.** Trouver sa place dans le champ littéraire. Paratopie et création. – Louvain-la-Neuve: Academia, L’Harmattan, 2016. – 188 p.
11. **Maingueneau D.** Discours et analyse du discours. – Paris: Armand Colin, 2014. – 216 p. DOI: <http://doi.org/10.3917/ls.154.0159>
12. **Iliuță G.** Représentations de l’espace de l’autre dans le Testament Français d’Andreï Makine // Analele Universitatii Crestine Dimitrie Cantemir, Seria Stiintele Limbii, Literaturii si Didactica predarii. – 2014. – № 2. – P. 115–123.
13. **Wodianka S., Neumeister S.** Localisations de l’Europe: sémiotiques culturelles des points cardinaux // Babel. – 2015. – № 32. – P. 11–17. DOI: <http://doi.org/10.4000/babel.4084>
14. **Iglesias Pruvost V.** La littérature belge francophone en France: reconnaissance, indifférence ou usurpation? // Recherches en Langue et Littérature Françaises. – 2014. – Vol. 8, № 13. – P. 67–82.
15. **Labelle M.** Majorité et minorités : un rapport à repenser «Multiculturalisme, interculturalisme, antiracisme : le traitement de l’altérité // Revue européenne des migrations internationales. – 2015. – Vol. 31, № 2. – P. 31–54. DOI: <http://doi.org/10.4000/ethiquepublique.1751>
16. **Bouvet R., El Kettani S.** Amin Maalouf: une oeuvre à revisiter. – Québec: Presses de l’Université, 2014. – 296 p.
17. **Laurent T. J.** Le Roman français au croisement de l’engagement et du désengagement (XXe–XXIe siècles). – Paris: L’Harmattan, 2015. – 242 p.
18. **Brun C., Schaffner A.** Des écritures engagées aux écritures impliquées. Littérature française (XXe–XXIe siècles). – Dijon: Éditions universitaires de Dijon, 2015. – 231 p.
19. **O’Connor M., Watthee-Delmotte M.** Enjeux estétiques et spirituels de la commémoration. – Louvain-la-Neuve: EME Editions, 2016. – 252 p.
20. **Телешова Р. И.** Размышления о русских истоках в творчестве Анри Труайя: монография. – 2-е изд. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014 – 247 с.
21. **Дубнякова О. А., Кашина Т. А.** Писательский голос в личных дневниках: А. Жид, П. Клодель, Ф. Мориак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12–3 (66). – С. 14–18.
22. **Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A., Borbotko L. A.** Identity as an element of human and language universes: axiological aspect // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11, Issue 17. – С. 10413–10422.
23. **Meizoz J.** La Littérature «en personne». Scène médiatique et formes d’incarnation. – Genève: Slatkine Erudition, 2016. – 216 p.
24. **Kremer N.** Entendre l’invisible. La voix de l’œuvre et ses enjeux esthétiques dans les écrits de Diderot // Recherches sur Diderot et sur l’Encyclopédie. – 2014. – № 1 (49). – P. 71–85. DOI: <http://doi.org/10.4000/rde.5150>

25. **Турьшева О. Н.** Прагматический подход в литературной науке // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 150–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/39/13>
26. **Teleshova R. I.** Les bibliothèques réelles et imaginaires dans l'oeuvre d'Henri Troyat // Babel. – 2002. – Т. 37, № 6. – Р. 207–218. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.696>
27. **Дебрени М.** Языковая автобиография // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 8, № 1. – С. 55–64.
28. **Kostina E. A., Kretova L. N., Teleshova R. I., Tsepkova A. V., Vezirov T. G.** Universal human values: cross-cultural comparative analysis // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 214. – Р. 1019–1028. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.696>

DOI: [10.15293/2226-3365.1704.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1704.15)

Raisa Ivanovna Teleshova, Candidate of Philological Sciences, Ph.D. of the Tulon University (France), professor, Head of the French Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5494-8636>

E-mail: raissa.telechova@gmail.com

Oksana Alekseevna Dubnyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Associate professor of Romance philology Department, Foreign Languages Institute, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1247-5228>

E-mail: DubnyakovaOA@mgpu.ru

Dialogue of France and Russia in the French literature

Abstract

Introduction. *The relevance of studying of the dialogues of cultures in the art text dues to interest of humanitarian knowledge to “another” image with conservation on national identity and cultural originality. The review of theoretical sources of native and foreign science shows us that a representation of the image of Russia (Russian world, Russians) comes down mainly to the identification of national stereotypes in the texts of writers who do not have a personal Russian life experience. Authors of this article tried to identify the possibilities of influence of artistic text to a bilingual reader from the point of view of interaction of cultures. The purpose of the article is delimitation of recurrent elements of the image of Russia in French literature of the second half of XX – the beginning of XXI century based on works of Henry Troyat, who combined in his mind artistic values of French and Russians.*

Materials and Methods. *We are using a complex approach, combining a conception of dialogism of M. M. Bakhtin, principles of receptive esthetics and structural semantic analysis. Artistics texts of H. Troyat present the dialogue of author with both the reader and the culture of two countries significant for him. Investigator, as main recipient of literary work, enters to conversation with author and allocates valuable elements of Russian image.*

Results. *The authors of the article prove that a model of the world built on a collision of two cultures and spaces forms an inseparable fabric in analyzed texts and is used by author for creation of image of Russia. In the labor it is proved that by using the mechanism of the dialogue of cultures the French writer H. Troyat acquaints the Russian culture to a French-speaking reader and presents Russian mentality in the context of French culture to the Western World. The most significant component of Russian image is the description of Russian soul which explains causes of behavior of Russian people. We consider the heroes of artworks as mediator of the intercultural dialogue, which comes as source of various cultural information about the country.*

Conclusion. *Works of bilingual writers blessed with biculturalism gift contribute to mastering and comprehension of a new cultural area, to the development of a different cultural space built on the clash of different cultures, so called the world without borders. The studying of works of A. Troyat has the special importance in modern educational space, gaining multicultural character with a preservation of own cultural identity.*

Keywords

Dialogue of cultures; Biculturalism; Bilingual writers; Identity; Originality; Cultural space; Image of Russia; Recurrent elements; French literature; Henri Troyat; World without borders.

REFERENCES

1. Kuleshova A. V. Citation as a key element of «Somebody Else's word» in French print media. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2014, no. 4, pp. 62–68. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22814663>
2. Koroleva S. B. *The myth about Russia in the British culture and literature (up to 1920s)*. Moscow, Direkt-media Publ., 2014, 314 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22324333>
3. Vikulova L. G., Kulagina O. A. National identity within the context of otherness: Linguistic representation of the «native» – «foreign» opposition in French literature of the XXth century (the essay volume «The black notebook» by F. Mauriac). *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2013, no. 2, pp. 33–42. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20419342>
4. Zlotnikov Y. S. A craving for perfection, completeness and negotiation. *Philosophical and Literary Magazine Logo*, 2015, vol. 25, no. 5, pp. 199–209. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25519660>
5. Hantraye J. Use of the image of Cossack and the Russians in France during the first restoration (1814–1815). *Ural Historical Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 25–32. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22516744>
6. Harmath E. *Andrey Makin and Francophonie: for geopoethic of literary works*. Paris, L'Harmattan Publ., 2016, 300 p. (In French) URL : <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?navig=catalogue&obj=livre&no=51256>
7. Derbac G. Present past, present past: writing and echoes of the story in Requiem for the East and The Life of an unknown man by Andreï Makine. *Romanesque Studies of Brno*, 2013, vol. 33, no. 1, pp. 281–294. (In French) URL: <http://hdl.handle.net/11222.digilib/125810>
8. Savelyeva E. B., Lineva E. A. The author in fiction literature communication. *Xlinguae Journal*, 2015, vol. 8, Issue 3, pp. 76–90. DOI: <http://doi.org/10.18355/XL.2015.08.03.76-90>
9. Pery-Borissov V. Paratopie et entretien littéraire: Andreï Makine et Nancy Huston ou l'écrivain exilé dans le champ littéraire. *Argumentation et Analyse du Discours*, 2014, no. 12. DOI: <http://doi.org/10.4000/aod.1629>
10. Maingueneau D. *Finding out proper place in literary area. Paratopie et creation*. Louvain-la-Neuve, Academia Publ., L'Harmattan Publ., 2016, 188 p. (In French) URL: <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?navig=catalogue&obj=livre&no=49849>
11. Maingueneau D. *Speech and Discourse Analysis*. Paris, Armand Colin Publ., 2014, 216 p. (In French) DOI: <http://doi.org/10.3917/ls.154.0159>
12. Iliuță G. Representations of the space of the other in the testament Français d'Andreï Makine. *Analele Universitatii Crestine Dimitrie Cantemir, Seria Stiintele Limbii, Literaturii si Didactica predarii*, 2014, no. 2, pp. 115–123. (In French) URL: <http://aflls.ucdc.ro/analelells-arhiva.php>
13. Wodianka S., Neumeister S. Locations of Europe: cultural semiotics of the cardinal points. *Babel*, 2015, no. 32, pp. 11–17. (In French) DOI: <http://doi.org/10.4000/babel.4084>
14. Iglesias Pruvost V. French-speaking Belgian literature in France: recognition, indifference or usurpation? *Research in French Language and Literature*, 2014, vol. 8, no. 13, pp. 67–82. (In French) URL: http://france.tabrizu.ac.ir/article_3108_de2452e84a9c2514c6dcd4388224ec7f.pdf

15. Labelle M. Majority and minorities: a report to be rethought «Multiculturalism, interculturalism, anti-racism: the treatment of otherness». *European Journal of International Migration*, 2015, vol. 31, no. 2, pp. 31–54. (In French) DOI: <http://doi.org/10.4000/ethiquepublique.1751>
16. Bouvet R., El Kettani S. *Amin Maalouf: A Work to Revisit*. Québec, Presses of the University Publ., 2014, 296 p. (In French) URL: <http://www.puq.ca/catalogue/livres/amin-maalouf-une-oeuvre-revisiter-2696.html>
17. Laurent T. J. *The French novel at the crossroads of commitment and disengagement (XX–XXI centuries)*. Paris, L’Harmattan Publ., 2015, 242 p. (In French) URL: <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?navig=catalogue&obj=livre&no=47378>
18. Brun C., Schaffner A. *Involved entries to the entries involved. French literature (20th-21st centuries)*. Dijon, Editions universitaires de Dijon Publ., 2015, 231 p. (In French) URL: <http://eud.u-bourgogne.fr/litterature/441-des-ecritures-engagees-aux-ecritures-impliquees-9782364411326.html>
19. O’Connor M., Watthee-Delmotte M. *Aesthetic and Spiritual Issues of Commemoration*. Louvain-la-Neuve, EME Editions Publ., 2016, 252 p. (In French) URL: <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?navig=catalogue&obj=livre&no=51827&razSqlClone=1>
20. Teleshova R. I. *Reflections about Russian sources in Henri Troyat’s works*. Monograph. 2nd ed. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2014, 247 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25786534>
21. Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Author’s voice in personal diaries: A. Gide, P. Claudel, F. Mauriac. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 12–3, pp. 14–18. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28870528>
22. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, Issue 17, pp. 10413–10422. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27250551>
23. Meizoz J. *Literature «in person». Media Scene and Forms of Incarnation*. Geneva, Slatkine Erudition Publ., 2016, 216 p. URL: <https://www.slatkine.com/fr/slatkine-reprints-erudition/69381-book-07102760-9782051027601.html>
24. Kremer N. Hearing the invisible. The voice of the work and its aesthetic stakes in the writings of Diderot. *Searches Related to Diderot and the Encyclopedia*, 2014, no. 1, pp. 71–85. DOI: <http://doi.org/10.4000/rde.5150>
25. Turysheva O. N. A pragmatic approach in literary science. *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2016, no. 1, pp. 150–159. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/39/13>
26. Teleshova R. I. *The real and fictional libraries in works of Henri Troyat*. Toulon, Babel Publ., 2002, no. 6, pp. 207–218. (In French) DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.696>
27. Debrenne M. Autobiographie Linguistique. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology*, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 55–64. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22931391>
28. Kostina E. A., Kretova L. N., Teleshova R. I., Tsepikova A. V., Vezirov T. G. Universal human values: cross-cultural comparative analysis. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 214, pp. 1019–1028. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.696>

Submitted: 02 April 2017   Accepted: 03 July 2017   Published: 31 August 2017

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).